

УДК 94(497.1)“1961/1966”

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.19814206](https://doi.org/10.5281/zenodo.19814206)

РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ЮГОСЛАВСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-Х ГГ.

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Проанализирована роль органов государственной безопасности Югославии в общественной жизни страны по состоянию на первую половину 1960-х гг. Раскрыты методы и направления контроля общественных явлений со стороны спецслужб. Предпринята попытка реконструировать структуру классификатора антисоциалистических явлений, которым руководствовалась госбезопасность. Раскрыты методы изучения общественного мнения спецслужбами, показана их колоссальная роль в кадровой работе как с информационной, так и с организационной стороны. Развернуто перечислены категории граждан и явлений, которые вызывали интерес у югославских спецслужб. Оценен уровень охвата граждан наблюдением. Отмечены некоторые злоупотребления, которые порождал контроль спецслужб над обществом.

Ключевые слова: Югославия, спецслужбы, общественное мнение, кадровая работа, информационные сводки.

Одной из важных поворотных точек в истории Югославии стал IV пленум ЦК Союза коммунистов Югославии, состоявшийся 1 июля 1966 г. на Брионских островах. По месту своего проведения он вошел в историю как Брионский пленум. Там подверглась жесткой критике деформация органов госбезопасности, их обвинили в незаконном прослушивании высших руководителей страны. Политическая ответственность за деформацию была возложена на вице-президента Югославии Александра Ранковича, который почти два десятилетия курировал работу спецслужб. Ранкович был освобожден от всех занимаемых должностей, спецслужбы подверглись глубокому реформированию, а в Югославии получили импульс демократические реформы. В свете изложенного целью данной статьи является характеристика исходной точки реформ, т. е. той роли, которую играли спецслужбы в югославском обществе накануне Брионского пленума. Исследование выполнено только на основании опубликованных источников. Роль спецслужб во второй половине 1940-х и начале 1950-х гг. в последнее время неоднократно рассматривалась учеными из бывших югославских республик, а для конца 1950-х – первой половины 1960-х гг. такая работа почти не проделана. Этим определяется новизна исследования.

Спецслужбы федеративной Югославии возникли в ходе Народно-освободительной войны. Первоначально они назывались Отделением защиты народа (сербскохорватская аббревиатура «ОЗНА»). Затем ОЗНА была включена в

состав Министерства внутренних дел в качестве Управления государственной безопасности (сербскохорватская аббревиатура «УДБа», слово склонялось). До 1953 г. министерство возглавлял Александр Ранкович. Несмотря на формальное пребывание в составе МВД вплоть до 1952 г. УДБа подчинялась Министерству обороны. С лета 1952 г. началась «демилитаризация» службы, однако ее финансирование из военного ведомства закончилось только к 1954 г. [1, с. 16, 113]. В связи с принятием конституционного закона в январе 1953 г. Министерство внутренних дел было реорганизовано в Союзный секретариат внутренних дел, его секретарем стал Светислав Стефанович, ранее возглавлявший УДБу, однако Ранкович продолжал по традиции курировать силовой блок и органы госбезопасности. В 1963 г. после принятия новой конституции Стефанович перешел на должность председателя комитета внутренней политики Союзного исполнительного веча и одновременно возглавил там комитет по безопасности, а Управление госбезопасности было переименовано в Секретариат госбезопасности (СГБ). Его возглавил Воин Лукич, замещенный в 1965 г. Миланом Мишковицем. Ранкович от активной опеки спецслужб с того времени начал отходить. Несмотря на переименование современники продолжали называть СГБ УДБой. Подобное синонимическое словоупотребление воспроизводится и в данной статье.

Численность УДБы менялась следующим образом. Во второй половине 1940-х гг. она росла и достигла пика в начале 1950-х гг. – 13 тыс. штатных сотрудников. Потом началось сокращение. В 1955 г. там было уже 7 тыс. сотрудников. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. численность сотрудников ведомства колебалась, и в итоге к 1966 г. снизилась. Глава государства Йосип Броз-Тито в июне 1966 г. оценивал ее в 6 тыс. чел., а по собственным данным спецслужб на 1 июля 1966 г. было 4596 сотрудников [1, с. 16, 113–114, 212; 4, s. 59].

Роль УДБы в обществе достигла максимума на рубеже 1940-х – 1950-х гг. К середине 1950-х гг. в результате политики демократизации и после прекращения советско-югославского конфликта она была ограничена, но полномочия УДБы все еще оставались значительными. В декабре 1966 г. союзный прокурор Франц Хочевар при характеристике роли, полномочий, средств и методов работы СГБ отметил «тотальное отслеживание и влияние на все явления, события и течения общественной жизни, массовый контроль граждан (досье, сеть сотрудников), контроль за многочисленными государственными должностными лицами и общественными деятелями (досье, обработка через сеть сотрудников, слежка, прослушивание)» [8, s. 318]. Прокурор сгущал краски, но не сильно грешил против истины. Задачи югославской госбезопасности были весьма обширны, борьбу с политически враждебными силами там понимали крайне широко.

УДБа не только пресекала вражескую деятельность, но и следила за всеми сферами общественной жизни, включая экономику и предприятия, ссылаясь на требование партии [4, s. 61, 301]. Душан Чкречич, один из бывших руководителей Сербии, напоминает, чем занималась УДБа до Брионского пленума. Тогда для каждого завода, учреждения и института назначался уполномоченный представитель спецслужб, который не просто искал шпионов и организованных

преступников, а отслеживал общественное мнение и политическую ситуацию с целью поиска внутреннего врага. Спецслужбы анализировали, как предприятия выполняют планы развития производства, цели поездок за границу, деловые соглашения предприятий, заменяя в этом качестве инспекции [3, с. 135]. Во второй половине 1950-х гг. Чкребич работал директором завода, так что знал об этом не по наслышке.

Одной из важнейших задач югославской госбезопасности было отслеживание так называемых антисоциалистических явлений в различных общественных средах. Их типология была нормативно утверждена лишь в первой половине 1960-х гг. Первый классификатор антисоциалистических явлений, которым руководствовались спецслужбы, был принят в 1962 г., а новая редакция – весной 1966 г. На основании опубликованных отрывков и пересказов структуру обоих классификаторов можно в общих чертах реконструировать. Обе редакции строились по одному принципу. Классификатор состоял из двух разделов: один был посвящен лицам, а другой явлениям. Лица делились на два типа: 1) занятые в хозяйственной сфере, 2) занятые публичной и общественной деятельностью. В рамках каждого типа давался развернутый список профессий и занятий. Среди участников публичной и общественной деятельности особое внимание уделялось интеллигенции. Явления охватывали преднамеренные действия, различного рода высказывания и стихийные события. Они делились на несколько типов, общее число которых однозначно установить невозможно. Типы делились на группы, а группы при необходимости на подгруппы. Типам явлений давались определения, а в группах приводились определения и развернутое содержание, конкретизирующее соответствующие явления. Среди достоверно известных типов явлений можно указать три: «Реакции и комментарии по поводу важных мер и событий у нас и в мире», «Резкие формы проявления недовольства трудящихся», «Политически и идейно чуждые явления в публичной и общественной жизни и в экономике, которые вызывают негативные последствия и побуждают к враждебной деятельности» [1, с. 95–97, 162–163, 167]. Прокуратура утверждала, что в перечне антисоциалистических явлений было 37 позиций, однако неясно, к какому уровню относятся эти сведения: идет ли речь о типах или о группах?

Как бы то ни было, благодаря Брионскому пленуму получили широкую известность следующие антисоциалистические явления, за которыми следила УДБа. В классификаторах, по нашему мнению, они должны были стоять на уровне групп и подгрупп: комментарии по всем значимым экономическим и культурным событиям; комментарии к речам и выступлениям видных руководителей и партийных работников; реакция на различные меры и события, например, принятие важных экономических новшеств, выборы, съезды и конференции; реакция на низкие личные доходы и вознаграждение; отношения в трудовых коллективах; движение цен и их влияние на рынок, процессы взаимодействия территориальных общин; пренебрежение к коммунистам и сторонникам социалистического общественного строя; случаи недобросовестного предпринимательства и принудительной ликвидации трудовых организаций; материальные злоупотребления и растраты,

нецелевое использование средств; вредные контракты и недобросовестная конкуренция; ненужные командировки по стране и за границу; воспрепятствование исполнению или неисполнение решений органов самоуправления; упаднические настроения и действия в культурной и художественной среде; антимакистские настроения среди научных работников; местничество и партикуляризм; возврат партийных билетов и тому подобное [8, s. 271, 311, 319].

В поле зрения органов могли попадать любые категории гражданских лиц начиная с крестьян, рабочих, представителей национальных меньшинств и заканчивая писателями, деятелями науки, культуры и искусства. Работникам умственного труда и управленцам уделялось повышенное внимание. В классификаторе 1962 года прямо указывалось, что нужно пристально наблюдать за интеллигенцией в силу ее важности для югославского общества и проявляемого к ней интереса иностранных разведок. В перечне подлежащих контролю лиц, занятых публичной и общественной деятельностью, там названы работники союзных, республиканских и местных органов управления, судьи, прокуроры, адвокаты, преподаватели, учителя, студенты и ученики средних школ, сотрудники академий и научно-исследовательских институтов, писатели, художники, музыканты, работники театров, киностудий, библиотек, музеев, журналисты, издатели, врачи, фармацевты, работники социального обеспечения, члены просветительских и творческих объединений, спортсмены. А в конце списка идет самое интересное: функционеры и члены СКЮ, функционеры и члены Социалистического союза трудового народа Югославии (массовой общественно-политической организации), функционеры и члены ветеранской организации, функционеры и члены объединений резервистов и военных инвалидов, «функционеры и члены других политических и массовых организаций» [1, с. 96–97]. УДБа следила за интеллигенцией системно. Так в 1966 г. в Македонии выяснилось, что на некоторых преподавателей местного университета досье велись на протяжении 10, 15 и даже 20 лет без перерыва [1, с. 153]. УДБу не интересовали только военнослужащие – ими занималась армейская контрразведка.

На основе собранных материалов УДБа составляла информационные сводки, по которым высшее руководство судило о положении дел в стране. Эти сведения дополнялись информационными обзорами, составляемыми в органах СКЮ и некоторых других учреждениях. Сводки спецслужб заменяли не проводившиеся тогда социологические исследования общественного мнения, пытаясь показать колебания общественных настроений и особенно враждебной активности. Они охватывали не только социальные и профессиональные группы, но и территории, в частности УДБа готовила информацию о положении дел в республиках [4, s. 239]. Эти обзоры отличались односторонним характером. Они давали не целостную картину общественных настроений, а динамику негативных реакций в кругах, признанных враждебными. На основе своей агентурной сети УДБа собирала единичные случаи антисоциалистических высказываний или действий, а затем обобщала их в аналитических материалах. В дни Брионского пленума неоднократно отмечалось, что эта процедура осуществлялась без применения научных методик, и

подбор фактов происходил в соответствии с изначальным мнением составителя, что вело к искажению реальной картины [4, s. 105, 209, 451]. Когда УДБа получала задания по составлению сводок, она стремилась разнообразить обобщаемый в них материал и с этой целью усиливала прослушивание телефонных разговоров и перлюстрацию писем. Проводились кампании по вскрытию случайно отобранных писем. Этот специфический прием изучения общественного мнения назывался там методом «свободного захвата». При этом существовал список лиц, чью переписку запрещалось контролировать и нельзя было открывать даже во время таких захватов. В него входили функционеры и общественно-политические работники. Однако в 1966 г. выяснилось, что, как минимум в Македонии, «служащие, которые участвовали в контроле, из любопытства открывали письма без оглядки на этот список» [1, с. 154, 172–173].

На Брионском пленуме Ранкович заявил, что к отчетам УДБы всегда относился с осторожностью, указал на их поверхностность и склонность спецслужб собирать базарные слухи. «Я думаю, что многие сводки, кроме оперативных, могут служить только для ориентирования, а никак не для неких твердых политических выводов», – подвел он итог [4, s. 214]. Можно возразить, что Ранкович защищался от нападок и умышленно занижал качество информационной работы спецслужб, чтобы уйти от дополнительных обвинений. Однако есть независимые свидетельства, которые подтверждают эту оценку. В частности, Стане Кавчич, который до 1958 г. отвечал в правительстве Словении за внутреннюю политику и получал сводки спецслужб в силу занимаемой должности, отмечал впоследствии, что они состояли из набора подслушанных критических высказываний [6, s. 297]. Мой собственный опыт изучения как опубликованных, так и случайно сохранившихся в архивном фонде СКЮ сводок УДБы заставляет присоединиться к этим оценкам.

На основе собранных материалов УДБа составляла досье на граждан. К 1 июля 1966 г. общее количество таких досье достигло внушительного числа 2754923 [1, с. 268]. Для понимания масштаба: численность населения Югославии составляла тогда 19,74 млн. Впрочем, для корректности сравнения нужно учитывать общее число людей, когда-либо проживавших на территории Югославии с 1945 по 1966 г. и прибавить к 19,74 млн еще примерно 4,2 млн. [9, s. 82]. Тогда получится, что в поле зрения УДБы попал каждый девятый житель страны. Однако исторический пик сбора досье приходится на 1964 г., а к 1966 г. свыше 270 тысяч дел было уничтожено. Если принять во внимание количественные показатели населения и досье для 1964 г., получается, что тогда УДБА имела досье на двух человек из каждых пятнадцати граждан. Но если учесть, что в общей численности населения в среднем 32% составляли лица моложе 14 лет, которые в силу возраста не представляли интереса для спецслужб, досье были составлены на каждого пятого гражданина! Впрочем, часть досье УДБа составляла не по своей инициативе, а в ответ на поступавшие ей запросы. Такие досье назывались сборными. Их удельный вес в общей массе мы можем оценить только для Македонии. В 1965 г. на них приходилось примерно 27% всех досье. Вероятно в общегославском масштабе эта доля могла быть несколько выше.

Важной задачей УДБы была проверка надежности кадров, поэтому досье велись не только на враждебных лиц, но и на любых граждан, занимавших мало-мальски заметное место в обществе. Как отмечалось в отчете комиссии СИБ, спецслужбы вели «досье на ряд государственных и партийных деятелей, общественных и культурных деятелей, начиная с общин и до федерации: на членов народных комитетов, секретарей ЦК, общественно-политических деятелей, членов ЦК СКЮ, функционеров СИБ и ГСИД [Государственного секретариата иностранных дел – ЮШ], депутатов, писателей, деятелей искусств, журналистов и других» [8, s. 312]. Партийные и государственные органы традиционно запрашивали проверку данных о нижестоящих членах партии и госслужащих, так и рождались сборные досье. Это была общая практика, но интенсивность запросов зависела от учреждений. Особенно плотно кадры контролировались в союзных секретариатах иностранных и внутренних дел. По некоторым свидетельствам была велика роль спецслужб при формировании партийных организаций в правительстве – Союзном исполнительном вече. Большую роль характеристики спецслужб играли в автономном крае Косово и Метохия, где органы прямо указывали, что те или иные кадры ненадежны. Также органы госбезопасности изучали кадры директоров на предприятиях, выясняя их социальное происхождение и прошлые ошибки. В первой половине 1960-х гг. УДБа издавала специальные бюллетени, где собирала негативные характеристики руководящих кадров по республикам [4, s. 68, 213, 239, 245, 247, 254, 271]. В поле зрения спецслужб попадали даже депутаты разного уровня, тем более что существовала практика предварительной проверки кандидатов на выборах по картотеке СГБ. Так в мае 1964 г. по распоряжению Милисава Лукича, тогдашнего секретаря внутренних дел Сербии, были собраны данные по всем депутатам Союзной и Республиканской скупщин с территории Сербии общим числом 350 человек. Это действие мотивировалось нуждами ЦК в связи с предстоящей плановой ротацией руководящих кадров. Тогда же по требованию парткома города Белграда органами внутренних дел была проведена проверка кандидатов, избираемых в городскую скупщину [8, s. 321]. Наконец, стоит учитывать, что в 1950-е – 1970-е гг. выходцы из УДБы занимали руководящие должности в ряде предприятий и учреждений, например, во внешнеторговых фирмах, на железных дорогах и даже стояли во главе больниц [7, s. 220, 221, 223, 231]. Бывали даже случаи принуждения директоров к отставке, чтобы на их место продвинуть работников госбезопасности [1, с. 155].

Поскольку спецслужбы играли важную роль в кадровой работе, многие работники госбезопасности, переходя на гражданские должности, становились кадровиками. Так как кадровые вопросы в центральных партийных органах находились в ведении организационных секретарей, не приходится удивляться, кого назначали на эти должности. Приведем примеры. Прежде всего, сам Ранкович, стоявший у истоков создания ОЗНБ, длительное время был организационно-политическим секретарем ЦК СКЮ. В Хорватии член республиканского партийного руководства Звонко Бркич сперва поработал секретарем домашнего кабинета у Тито (эта должность предполагала зачисление в штат госбезопасности)

[2, с. 59], а затем вернулся в свою республику и с 1950 г. стал организационным секретарем хорватского ЦК. Данную должность он занимал 12 лет. Похожий пример был в Сербии. Воин Лукич начал карьеру не просто в органах внутренних дел, а именно в УДБе, и в 1965 г. стал организационным секретарем сербского ЦК. В Словении Иван Мачек с 1944 по 1946 гг. был начальником республиканской ОЗНЫ, затем некоторое время поработал министром внутренних дел, а потом стал организационным секретарем словенского ЦК. Лишь 20 июня 1966 г. при закрытых дверях Тито впервые осудил практику, когда в партии удбовцев ставили оргсекретарями [4, с. 56]. Таким образом, спецслужбы были в Югославии мощным инструментом контроля над политической, экономической жизнью и исполнителями управленческих решений.

Огромные полномочия, широкие возможности влияния и закрытый характер деятельности с неизбежностью порождали произвол в работе УДБы. Проиллюстрируем этот тезис. Так из опубликованных материалов заседаний Политбюро ЦК Коммунистической партии Хорватии известны некоторые примеры злоупотребления спецслужб в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда их могущество достигло пика. В котаре Кланец Загребского округа котарский начальник УДБы и его окружной начальник ориентировочно в 1947–1948 г. завладевали имуществом арестованных, били их и даже убили троих человек, но партийные органы пытались замести следы их преступлений, сообщая в республиканскую УДБу и ЦК КПХ заведомо ложные сведения. Каким-то случайным образом это все открылось, и виновные понесли наказания. Интересно, что окружной начальник УДБы был наказан по партийной линии мягче, чем его котарский подчиненный, хотя партийная комиссия и признала, что инициатива преступлений исходила именно от него [10, с. 464–467]. Весной 1952 г., когда в Югославии полным ходом шла кампания восстановления прав граждан, в реферате «Проблемы законности и правосудия» Политбюро ЦК КПХ получило такую картину произвола УДБы в предшествующие годы: «Случаи обыска квартиры без ордера, изъятие вещей, которые не имеют отношения к уголовному делу, распоряжение вещами, на которые наложен арест, до конечного решения о конфискации и т.п., стали достаточно редкими, хотя они еще есть в отдельных случаях. Большое число жалоб граждан на эти нарушения относится к случаям, которые происходили раньше, а сейчас их [т. е. вещи – Ю. Ш.] граждане забирают обратно, ссылаясь на общий курс законности или на правила, которые тем временем приняты» [11, с. 992]. Из воспоминаний более чем лояльного к властям следователя Анте Раштегорца известно, что присваивать имущество арестованных в те годы не брезговал даже начальник союзной УДБы Светислав Стефанович и другие люди из окружения Ранковича [5, с. 480].

Отдельную мрачную страницу в истории УДБы составляют издевательства над узниками Голого острова в период советско-югославского конфликта. Эта тема многократно освещалась в публицистике и научных работах, выходявших в Югославии и ее бывших республиках, поэтому об ужасах лагеря на Голом острове написано немало. Есть публикации и на русском языке. Итоговой работой, в

которой реконструирована картина лагерных порядков, стала диссертация хорватского историка М.Превишича. К ней и стоит обращаться за подробностями [7, с. 82–272]. Отметим лишь, что за 1949–1953 гг. жестоким обращением УДБа уморила 283 узника лагеря, а остальным 13 тысячам нанесла тяжелые физические и психологические травмы и расстройства.

Попытки восстановить законность, предпринимаемые с 1951 г., и завершение советско-югославского конфликта способствовали ограничению произвола спецслужб, однако полностью преодолеть его не удалось. Судя по отчету комиссии Исполнительного веча Скупщины Македонии, подготовленному в сентябре 1966 г., в работе республиканского подразделения СГБ вплоть до того времени наблюдались следующие злоупотребления. Госбезопасность вмешивалась в выборы рабочих советов, директоров предприятий и других органов самоуправления. Органы клепали дела из соображений служебного рвения, совершали подлоги в документах, чтобы создать доказательства вины, применяли физическое и психическое воздействие во время следствия, создавались препятствия работе адвокатов. Встречалось давление на прокуроров: когда им передавали дела, заявлялось, что часть доказательств служба оставила при себе. Найдены были случаи имущественных злоупотреблений и даже случаи использования осужденных для работ на себя. В службе культивировалось мнение, что нельзя выносить сор из избы и публично писать о злоупотреблениях, потому что это подорвет ее авторитет. Поэтому СГБ не только препятствовал возбуждению уголовных дел, но и стремился сохранить своих работников на прежних должностях, в частности избегал заводить уголовные дела на тех, кто применял грубое обращение и издевательство на допросах. Когда злоупотребления и нарушения разрастались, в секретариате принимали меры, но частичные и непоследовательные [1, с. 156–158]. К сожалению, в источнике нигде не указывается, насколько массовыми были перечисленные явления.

Итак, к первой половине 1960-х гг. органы госбезопасности Югославии выполняли многочисленные функции, выходящие далеко за рамки противодействия врагам общественного строя и угрозам общественной безопасности. УДБа заменяла собой социологические службы и контрольно-надзорные органы, играла ключевую роль в кадровой работе партийных и государственных органов. Между тем, в первой половине 1960-х гг. в Югославии всё громче звучали голоса сторонников демократизации и децентрализации общественной жизни. Эти идеи привлекали всё более значительное число влиятельных политиков. Существующая роль спецслужб плохо сочеталась с новыми веяниями, поэтому вопрос реформирования госбезопасности неотвратимо назревал.

Список использованных источников и литературы

1. Документи за сојузната и за македонската служба за државна безбедност (1944–1989). – Скопје, 2021. – 374 с.
Dokumenti za sojuznata i makedonskata služba za državna bezbednost (1944–1989). – Skopje, 2021. – 374 s.
2. Ранковић А. Дневничке забелешке. – 4-о изд. – Београд, 2002. – 310 с. –
Ranković A. Dnevničke zabeleške. – 4 ed. – Beograd, 2002. – 310 s.

3. Чкребић Д. Поглед искоса: људи, судбине, коментари. – Београд, 2009. – 457 с.
Čkrebić D. Pogled iskosa: ljudi, sudbine, komentari. – Beograd, 2009. – 457 s.
4. Četvrta sednica CK SKJ. Brionski plenum. (Stenografske beleške sa Četvrtog plenuma, materijali Izvršnog komiteta CK SKJ, izvod iz stenografskih beležaka Šeste sednice CK SK Srbije, reagovanja domaće i svetske javnosti, pisma, telegrami, izjave i dr.) / priredio je Jovan P. Popović. – Beograd, 1999. – 957 s.
5. Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. – Beograd, 1984. – T. 3. – 645 s.
6. Kavčič S. Dnevnik in spomini (1972–1979). Prva knjiga // Časopis za kritiko znanosti. – 1988. – №109/110. – S.1-340.
7. Previšić M. Povijest informbiroovskog logora na Golom Otoku 1949–1956. – Zagreb, 2014. – 330 s.
8. Sekulić Z. Pad i ćutnja Aleksandra Rankovića. – Beograd, 1989. – 396 s.
9. Statistički godišnjak SFRJ, 1967. – Beograd, 1967. – 670 s.
10. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. – Zagreb, 2005. – Sv.1. – 653 s.
11. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. – Zagreb, 2006. – Sv.2. – 1088 s.

Shakhin Y. V. The Role of State Security Organs in Yugoslav Society in the First Half of the 1960s

The article describes the role of Yugoslav state security agencies in the country's public life in the first half of the 1960s. It reveals the methods and directions of control over social phenomena by the intelligence services. An attempt is made to reconstruct the structure of the classification handbook of anti-socialist phenomena that guided the state security services. It also explores the methods used by the intelligence services to study public opinion and demonstrates their colossal role in personnel management, both from an informational and organizational perspective. A detailed list of the categories of citizens and phenomena of interest to the Yugoslav intelligence services is provided. The scale of citizen under surveillance is assessed, and certain abuses resulting from the intelligence services' control over society are highlighted.

Keywords: Yugoslavia, secret services, public opinion, personal policy, information reports.